

4 КРУГОБОР 77

«На свете не было и нет человека, труды которого имели бы такое распространение, какое имеют произведения В. И. Ленина... Тиражи ленинских книг исчисляются сотнями миллионов экземпляров. Их читают, по ним учатся жить и борются люди во всех странах, на всех континентах».

Л. И. Брежнев

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС собрано и хранится свыше тридцати четырех тысяч рукописей, писем и документов В. И. Ленина, в их числе свыше 800 книг, содержащих пометки, подчеркивания и другие следы работы Владимира Ильича с этими книгами, а также 409 фотографий Ленина, 870 метров киноленты, в кадрах которой Ленин снят при жизни, 15 граммофонных пластинок с записями 14 его речей.

Это драгоценные реликвии Коммунистической партии и советского народа.

«Писал ужасно быстро, с сокращениями. Писал с необыкновенной быстротой, много и охотно. К докладам всегда записывал

мысль и план речи... Почерк становился более четким, когда писал что-либо (в письмах, например), что его особенно интересовало и волновало... Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма».

Из воспоминаний Н. К. Крупской

В архиве хранятся: большое число планов статей, выступлений, выписок из книг, журналов и газет, сделанные во время заседаний записи мыслей докладчиков и ораторов, краткие записки близким людям... Характерным примером может служить рукопись плана брошюры «О диктатуре пролетариата», написанного Лениным в сентябре — октябре 1919 года. В сравнительно небольшой рукописи более 100 слов Владимир Ильич написал сокращенно... Вот как выглядит одна из фраз рукописи: «Д-ра прлта кк новые фрмы класс. ббы пролта». Читать ее следует: «Диктатура пролетариата как новые формы классовой борьбы пролетариата».

Из книги «Фонд документов В. И. Ленина».

Институт марксизма-ленинизма ведет кропотливую работу по собиранию, изучению, хранению и изданию рукописного и документального наследия великого Ленина.

За всю историю института лишь несколькими специалистами доверялась работа с подлинниками ленинских документов.

На первой звуковой странице вы услышите рассказ Т. В. Шепелевой, А. Ф. Бессоновой, М. В. Стешовой и Ю. Я. Махиной.

ПОСТИГАЯ ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

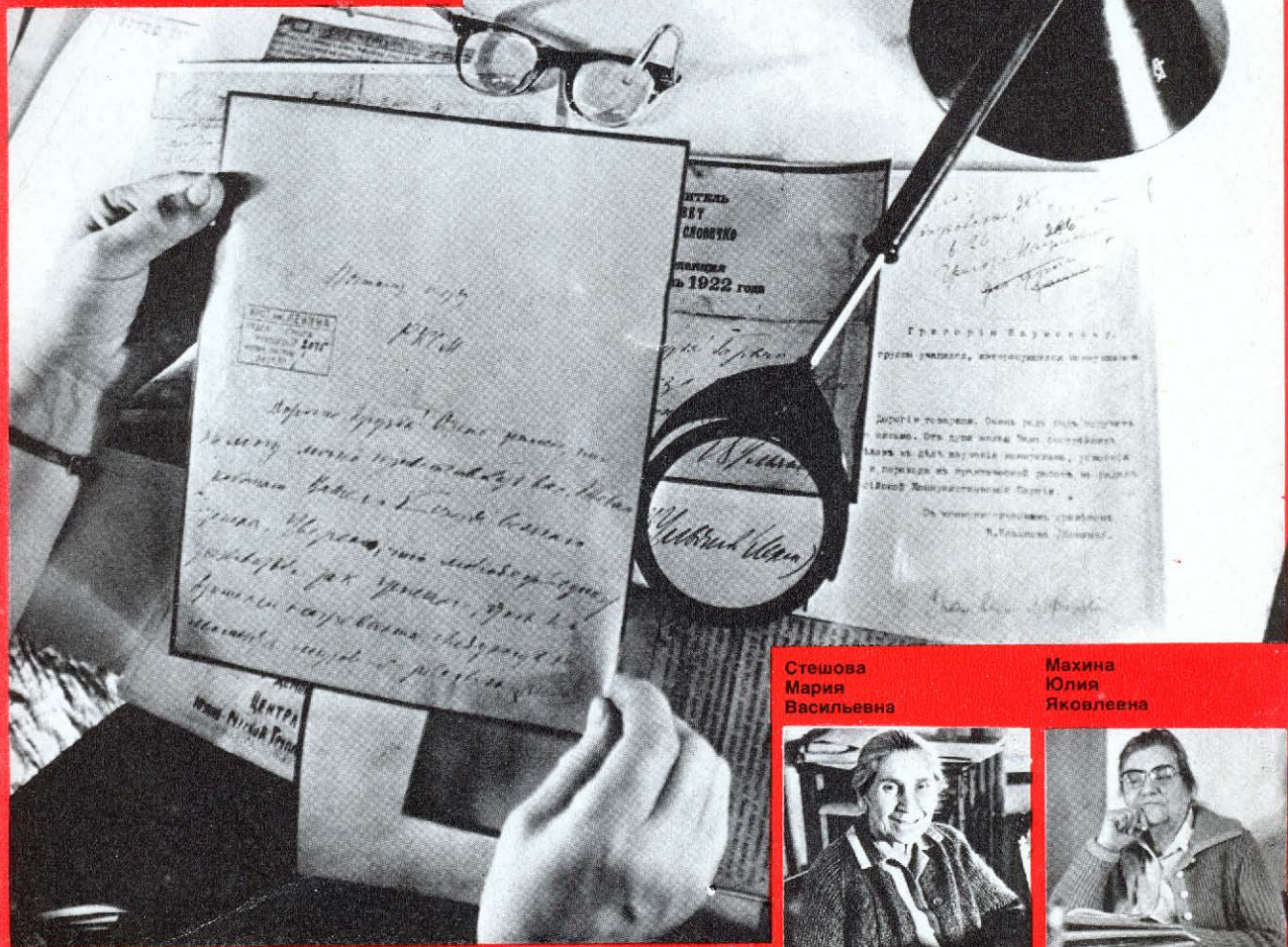

Шепелева
Татьяна
Васильевна

Бессонова
Александра
Федоровна

Фото А. Лидова и Л. Лесных

Стешова
Мария
Васильевна

Махина
Юлия
Яковлевна

НАШ ЛУЧО

Утро 23 декабря 1976 года. Оно навсегда останется в нашей памяти. В то утро в аэропорту Внуково приземлился самолет: на советскую землю прибыл Луис Корвалан, негасимый чилийский патриот. Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили.

На летном поле аэродрома слышались приветствия московских трудящихся, здравницы в его честь скандировали чилийские и латиноамериканские студенты, обучающиеся в Москве. Я тоже был среди них и видел, как Луис Корвалан, бросая вызов декабрьскому морозу, снял свою традиционную чилийскую шляпу и, высоко держа ее, приветствовал всех, кто пришел встретить его—уже на свободе.

Так начинался для Луиса Корвалана и его жены Лили, верного друга, бывшего рядом в самые тяжелые моменты,

новый этап в их жизни и борьбе: жизнь среди советских людей.

Позднее мы были в доме Корвалана—в его квартире в Москве, на улице Горького. К отцу и матери теперь присоединились и дочери, которые давно живут в Советском Союзе. Но уже никогда не увидят родители своего единственного сына—Луиса Альберто: он умер далеко от родины—казались жестокие пытки.

В московской квартире Корвалана ощущается та же атмосфера, что всегда царила в их доме на улице Бремен в Сантьяго. Рабочий день начинается очень рано. У Луиса Корвалана много дел, но он успевает и читать, и беседовать с гостями, и давать интервью, и писать. На столе—сотни писем, которые ему присылают советские люди. Пишут молодые и старые, взрослые и дети.

Эдуардо ЛАБАРКА
чилийский публицист

Луис КОРВАЛАН:

Мне хочется передать горячий привет всем советским детям и всей советской молодежи. Я знаю, с какими чувствами восприняли ваши сердца драму Чили. Молодежь, тем более дети Советского Союза не познали на себе, что такое фашизм. Что такое фашизм, познали их отцы. Я уверен, что родители нынешней советской молодежи, Коммунистическая партия Советского Союза, комсомол воспитывают их в духе ненависти к фашизму, в духе ненависти к реакции, рассказывая и напоминая им о всех страданиях, которые пришлось вынести этой великой и огромной стране из-за вероломного нашествия германского фашизма.

Чилийская молодежь знает, что советская молодежь, а чилийские дети знают, что советские ребята—это их самые лучшие друзья. В трудных условиях молодежи нашей страны борется за свои права, против фашизма. И солидарность, помощь советской молодежи, советских детей—для них большой стимул.

*Para los lectores de Krugozor
indivisiblemente*

Moscu, Enero de 1977

Читателям
«Кругозора»
от всего сердца

Корвалан
Москва
январь 1977 г.

Обращение Корвалана, которое вы только что прочли, было записано на пленку журналистом Ансельмо Септиен. Голос Корвалана, его мысли о значении политической песни и сами песни—новые песни борьбы—вы услышите на второй звуковой странице. Незнакомая вам мелодия, открывающая эту звуковую страницу,—позывные, которые предваряли выступления Луиса Корвалана, Сальвадора Альенде и других руководителей движения народного единства в свободном Чили до фашистского переворота.

Страница подготовлена режиссером Пилар Вильясанте, ведет ее диктор передачи «Слушай, Чили!» Екатерина Олевская.

Фото Л. Лазарева

Про эти рязанские новостройки Анна Ивановна Илларионова может с полным основанием сказать: «Улица—моя, дома—мои». Знакомые и незнакомые люди пишут ей множество писем, и в каждом письме повторяется слово «спасибо»

Фото А. Лидова и М. Савина

СТРОГАЯ ДОБРОТА

В бригаде Илларионовой стиль работы у каждого маляра свой, а слаженность и единый ритм—как в хорошем оркестре. Но музыканты видят любое движение палочки дирижера, а Анна Ивановна то на одном этаже новостройки, то на другом... Чем же объясняются эти слаженность и ритм?

Научила Илларионова людей ценить величайшее из богатств—время. Сама приезжает на объект раньше всех. Если что не так—уладит, добьется. Нет для нее мелочей ни в большом, ни в малом.

Вспоминают рабочие, к примеру, такой случай. Строили дом жилой, и, начиная от нулевого цикла, на всех этапах сроки затягивались из-за несвоевременной поставки материалов. Дошло дело до маляров, а времени совсем мало. Как тут сдать объект вовремя? Начальство вызывает: «Анна Ивановна, выручай. Единственный выход—работать по субботам и воскресеньям». Не позволила ей совесть отказать. Пришла в бригаду—объяснила. Маляры ее поняли. И трудились без обиды, хорошо, как всег-

да. К сроку поспели, а когда оформлять зарплату стали, смотрит Илларионова: оплачивают работу в выходные дни, как за обычные. Порядок она, конечно, навела, и зарплату переоформили. Правда, отношения кое с кем испортила, но принципам своим не изменила.

Верность жизненным принципам — надежная опора в воспитании коллектива, особенно молодежи. 400 рабочих обучила Илларионова, и при этом помогла им не только профессией овладеть, а главное, обрести себя и в деле и в жизни.

Ежегодно в бригаду новое пополнение вливается, и нужно молодежь организовать, но, как считает Анна Ивановна, это вовсе не означает заставить. Вот, к примеру, осенью 76-го пришли восемь девчат из ПТУ. Работать хорошо умеют, у всех третьи разряды. А чуть что: «Сами все знаем». Уж больно ершисты. «Ох, и красивая же ты, Вера,— сказала Илларионова,— а когда слышишь твою грубость, красоты твоей не видно, исчезает она». И задела за живое.

Так к каждой новенькой искала подход. А потом собрала всех и рассказала о ветеранах бригады, с кем прошла долгий путь. Почувствовали девушки, что заслужили «старички» право требовать. Рассказала Анна Ивановна и о том, как раньше в палатках жили, полы на коленях шлифовали, а теперь и квартиры благоустроенные, и вон сколько механизмов! Производительность труда резко увеличилась: в 76-м году на семь с половиной процентов, а к 80-му обязались на тридцать. А ведь у строителей проценты особые: за каждым из них — людская радость. И не омрачает ее бригада браком в работе, никогда не встретят новоселы в отделанных ею квартирах отвалившейся шпаклевки, отклеившихся обоев, небрежной покра-

ски. «Вы уж не подводите», — попросила. Объяснила увлекательность соревнования по звеньям. Работают ведь рядом, так что опыт победителя в состязании перенимают быстро. Вот так и укрепляется добрая слава бригады, в которую уже много лет приезжают отовсюду обучаться передовым методам труда.

Заинтересовала она девчат. А интересуешь человека — можешь быть уверена, что найдет он себя. Стремясь увидеть в жизни Героя Социалистического Труда Анны Ивановны Илларионовой особую романтику, я постепенно все отчетливей понимала, что замечательна она другим — незаметным и скромным героизмом будней. Изо дня в день, и так уже 30 лет, проявляет она любовь к труду и изобретательность, терпение и упорство, находчивость и смелость, строгость и доброту.

Татьяна ПОМЕРАНЦЕВА

Ее имя известно многим. Коммунисты Рязани избирали ее делегатом XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV партийных съездов. Бригада маляров, которой она руководит, задания девятой пятилетки выполнила за четыре года, а для десятой определила еще более сжатые сроки — три года одиннадцать месяцев. «Я много лет строю дома. А что такое получить человеку новую благоустроенную квартиру? Это радость.

И я думаю, что любить труд, любить людей и делать для них добро — это счастье», — говорит Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный строитель РСФСР Анна Ивановна Илларионова. Слушайте третью звуковую страницу.

Момент, когда новое музыкальное произведение «выходит в свет», исполняется впервые, получает широкого слушателя, всегда важен для композитора. С необычайным волнением переживал его всегда Шостакович. Человек, обладавший не только огромным талантом творца, но и с юных лет — интерпретатор (известно, что сам Шостакович был превосходнейшим пианистом), он, быть может, как один из немногих музыкантов, добивался «чеканного» звучания своих сочинений на эстраде, требовал неукоснительного соблюдения малейших нюансов. Так и в случае, о котором пойдет речь, Шостакович проявил всю свою необыкновенную тщательность. Второй концерт для скрипки с оркестром, написанный ровно десять лет назад, в 1967 году, может быть причислен к одной из самых сокровенных «исповедальных» страниц Шостаковича. Проникновенный скрипичный голос там не единожды как бы отпускается оркестром «на волю» для поэтико-лирического монолога. Лишь в финале неторопливое размышление уступает место виртуозному пиришеству оркестра. Тут скрипка как бы вовлечена в стремительно мчащийся фантастический хоровод аккордов, которые Шостакович советовал «держат на вожжах», придать им упругий характер. Эта фраза Дмитрия Дмитриевича была произнесена во время одного разговора, историю которого мы и собираемся рассказать.

Шостакович заканчивал работу над концертом в жаркие майские дни 1967 года и, естественно, думал об исполнителе, которым должен был явиться, по его мысли, Д. Ф. Ойстрах. Он писал Ойстраху:

«Я закончил новый скрипичный концерт. Писал я его с мыслями о вас... Очень хочу показать вам концерт, и если он не вызовет у вас протеста, то велико будет мое счастье. А если вы его сыграете, то счастье мое будет столь велико, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Если не будет вашего возражения, то мне очень бы хотелось посвятить этот концерт вам. Крепко жму руку, звоните. Ваш Шостакович.»

Ойстрах выучил новое сочинение Шостаковича с фантастической быстротой. Ему понадобилось на это несколько дней. Оставалось лишь встретиться с автором, сыграть ему новый концерт «вчерне», под рояль, договориться о последних «штрихах» перед исполнением на публике. Но это не удалось. Шостакович заболел, был вынужден лечь в больницу. И Второй скрипичный концерт был сначала исполнен под Москвой, в Болшеве, 13 сентября 1967 года Д. Ф. Ойстрахом с оркестром Московской филармонии, которым дирижировал К. П. Кондрашин.

Стремясь сразу же показать «звуковые» результаты своей работы Шостаковичу, Ойстрах попросил записать «болшевский вариант» на кассетный магнитофон и передал этот первый «оттиск» автору, который должен был внести свои коррективы перед осенней премьерой. В середине октября того же

года, когда Ойстрах возвратился в Москву из гастрольной поездки, он позвонил Шостаковичу в больницу по телефону. Чтобы легче было потом управлять по партитуре замечания автора, на магнитную ленту была записана также и телефонная корректура Шостаковича. Вы услышите частичку этого устного редактирования на звуковой странице «Кругозора». Оба выдающихся музыканта, с партитурой в руках, обсуждали отдельные места в сочинении и называли в разговоре либо страницы, либо специальные цифры, на которые обычно разбита каждая партитура для удобства исполнителя, чтобы можно было быстро найти то или иное место. Эти цифры вы и услышите в записи. Качество ее невы-

сокое, тембры голосов, естественно, несколько искажены, фоном идет некое подобие морзянки, которая удивительным образом подчеркивает рабочую напряженность разговора. И ощущение важности беседы понятно: предстояли сразу три мировых премьеры Второго концерта: в Москве (она состоялась 26 октября), в Лондоне (19 ноября — дирижер Орманди) и в Нью-Йорке (дирижер Бернстайн) — 11 января 1968 года. Разговор шел о самом главном в жизни этих двух людей — о музыке.

Г. КОВАЛЕВСКИЙ

На пятой звуковой странице фрагменты Второго концерта Шостаковича для скрипки с оркестром даны в записи первого исполнения в Москве в Большом зале консерватории в 1967 году. Солист — Д. Ф. Ойстрах, оркестр Московской филармонии;

дирижер — К. П. Кондрашин.

РАЗГОВОР

На фото:
Д. Д. Шостакович
и Д. Ф. Ойстрах
во время
репетиции.

Несколько лет назад в ВТО проходили вечера под названием «Несыгранные роли». Актеры различных театров Москвы выносили на суд публики и своих товарищей то, что не было ими сыграно на сцене, а продумывалось, вынашивалось и нарабатывалось, как говорят, «в свободное от работы время». Открывая такую же рубрику, «Кругозор» предоставляет слово народному артисту РСФСР Юрию СОЛОМИНУ.

ПРИВЫЧКА РАБОТАТЬ БЕЗ УСТАЛИ

В этом году ровно двадцать лет, как я работаю в Малом театре. Стать актером именно этого театра я решил еще в шестом классе, когда увидел фильм «Малый театр и его мастера». Фильм просто потряс меня.

В 1953 году курс в училище имени Щепкина набирала Вера Николаевна Пашенная. Мы жили в Чите, в Москву отправились вместе с отцом, по работе ему полагался бесплатный проезд. Остановились жить у знакомых в Монино. Экзамены уже близились к концу, когда случилось несчастье: у отца на Ярославском вокзале вытащили билеты и деньги. В Управлении железных дорог ему устроили обратный билет, но ехать надо было не позже чем через сутки. Отец послал меня к Пашенной.

— Узнай, берет она тебя или не берет. Если не берет, поехали домой. Устроишься работать в театре.

Узнавать было рано: я был допущен пока только со второго тура на третий. Пашенная вышла ко мне с заседания кафедры, выслушала про наши беды, помолчала, посмотрела на меня и сказала: «Ну, оставайся».

О В. Н. Пашенной самые лучшие воспоминания как о человеке и большом художнике. Работали мы у нее по восемнадцать часов в сутки, боялись ее страшно и старались делать все из последних сил. С тех пор осталась привычка: работать без усталости. Если я занят двадцать часов в день, да еще потом два часа во сне продолжаю репетировать, то и тогда чувствую себя хорошо.

В кино я пришел тоже по рекомендации В. Н. Пашенной. Режиссер И. Анненский пригласил меня на роль инженера Павла Каурова в фильме «Бессонная ночь».

Однажды в фильме «Сильные духом» я сыграл гестаповского офицера. В этой небольшой роли заметил меня режиссер Е. Ташков и предложил сниматься в фильме «Адъютант его превосходительства». Поначалу он не предполагал для меня главной роли. Лишь позже была проба на Кольцова, и я был утвержден.

Считаю большим счастьем для себя встречу с режиссером огромного таланта — Акирой Куросава. Роль Арсеньева остается для меня одной из любимых в кино.

После «Дерсу Узала» я снова снялся у Е. Ташкова в картине «Преступление» в роли следователя. Продолжаю сниматься в многосерийном телевизионном фильме «Хождение по мукам» (в роли Телегина), который ставит на «Мосфильме» режиссер В. Ордынский. В образе Телегина, мне кажется, есть что-то от Пьера Безухова: мягкость, доброта, внутренняя сила и высокая нравственная мера, которой он мерит жизнь. Таким мне хочется его сыграть.

В кино мне бы хотелось сниматься в фильмах по Достоевскому, по Чехову. Та роль, что я сыграл в «Моей жизни», очень дорога для меня.

Наиболее интересные для меня роли, сыгранные в Малом театре за последние годы, — это Хлестаков в «Ревизоре», Кисельников в «Пучине», Ваня в «Униженных и оскорбленных», царь Федор Иоаннович. О любой из этих ролей я не могу сказать, что она сделана до конца.

Считаю, что актеру необходима максимальная занятость — это единственная возможность всегда быть в форме. Поэтому в перерывах снова будут кино, телевидение и новое для меня — чтецкая программа из русской классики. Стихи о любви Тютчева, Пушкина, Лермонтова, Фета... Многие из них стали романсами, но мне хотелось вернуться к основе. Первое такое выступление вместе с гитаристом нашего театра Михаилом Ивановым — в этом номере «Кругозора».

Фото Л. Лазарева

Шахер БОРДЖАКОВ

ВОСПОМИНАНИЕ О МОРЕ

*Море, когда расставалось со мною.
Билось о берег —
Шальная вода
Пеной швырялась и каждой волною,
Будто обидеть хотела тогда.*

*Но не обиделся я — ведь далеко
Путь мой лежал от родных берегов,
И заслужил от стихии упрека,
Что оставляю я труд рыбаков.*

*Сам я стеснялся того, что когда-то
Думал равняться с простором морским
В силе и дерзости, —
Горько и свято,
С необоримым, прощался я с ним.*

*Море! Когда расставался с тобою,
Голос твой мощный не перекричал
И, отступив перед пеной прибоя,
Ярость твою наблюдал и молчал...*

*Нынче ж,
Когда
Повстречались
С тобою,
Вижу:
Покойно лежишь, как во сне,
Все безмятежное, все голубое,
Даже волны не подкатишь ко мне.*

*Кто же сравнил тебя с сердцем поэта,
Чуждым покоя, смятением всегда,
Если недвижная, солнцем согрета,
Не шелохнется морская вода?*

В ПУСТЫНЕ

*Если выйдешь без страха в пустыню,
То она тебя в путь подтолкнет,
И простор пред тобою раздвинет,
И в бескрайнюю даль увлечет.
Испытает тебя не однажды
Мукой голода, зноя и жажды,
Но зато здесь раскроется каждый
Человек тебе: этот и тот.
Кто от спутника ждет лишь плохого,
Кто жалеет хорошего слова,
Тот не друг, опасайся такого —
Пусть другой он дорогой идет.
Каракумы прекрасны весною:
Умываются сладкой водою,
А барханы покрыты травой,
Мак в траве этой вольно цветет.*

*На коврах, озаренных кострами,
Хорошо посидеть с чабанами
За чайком... Так сложилось веками,
Что в Туркмении гостю — почет.
Будут овцы тянуться к колодцу,
Будет ветер со зноем бороться.
Если ж девушка вдруг улыбнется,
То с ума тебя, верно, сведет.*

Перевод с туркменского
Анатолия Преловского

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

●
Еще совсем дитя.

*На цыпочках не кралось
Под окнами любви ни разу сердце.
И вот она выводит «Подоляночку»,
Над одуванчиками с песнею кружа...
И с ведрами по берегу Днепра
Она идет в дешевеньких монастах,
И тень ее и тень от ведер шатких
Идут за нею — люли-люли-лю...
Хоть листья лопуха прикрыли воду,
Но изредка и выплеснется струйка,
И упадет в песок, в следочки ног.
Вспотели щечки; и, кося на тучи
И на Днепро,*

*что в туче той укрылся,
На муравьев, снующих деловито, —
Скорее в гору: горюшко — гроза!
С горы навстречу в белой рубашонке
Катился братик меньшенький ее;
Вот подбежал, за дужку узхватился, —
На тучу мокрую пугливо озираясь,
Засеменили к хате...*

*...Печенегов
Здесь Ярослав разбил,
на этом месте...*

●
*Ласточка вновь за окном,
Ласточка нашей повети,
Чем тебя, ласточка, встретить:
Медом, борщом, молоком?
Ласточка, лету конец.
Взять бы птенцов твоих в хату,
Я научил бы писать их:
Небо, Днепро, сорванец...
Ласточка, где ни летай,
Мало натешиться вволю:
В сердце навеки оставь
Небо, Отчизну и Волю.
Так оно все и идет,
Чтобы взлетать на рассвете...
Горюшко-горе мое,
Ласточка нашей повети.*

Перевод с украинского
Николая Котенко

Прослушиваю запись шестнадцатилетней давности... Перематывается с катушки на катушку магнитная лента — транспортер, возвращающий к жизни голос и звуки прошлого. Миллиметр к миллиметру, мгновение к мгновению — и воскресает безвозвратное, повторяется неповторимое: задыхающийся тенор хронометриста, отсчитывающего предстартовые секунды... серия неизменных, как в ритуальном действе, команд... И, наконец, вот оно: тугой удар ракетного грома расплескивается раскатистым гулом и тут же на лету затухает, как бы расплываясь в космическом вакууме, а сквозь отголоски этого обесилевшего грома долетает отдаленное, но отчетливое:

— По-еее-хали!..

Неоднозначное, неперебиваемое русское слово. Я понимаю, что вырвалось оно непроизвольно. И все-таки... Небеспричинно, конечно же, небеспричинно произнес Гагарин это свое

давшийся миг он, Гагарин, от имени всех Первых мог возвестить человечеству: «Поехали!»

Перематывается с катушки на катушку магнитная лента.

— Две даты, две вехи штурма космического пространства: 4 октября 1957 года и 19 августа года 1960-го...

Голос академика Парина. Вспоминается волевой прищур глаз, увеличенных сильными линзами очков, и усы одуванчиковой белизны.

— Географически обе эти даты, — звучит из динамика, — привязаны к Байконуру, или, как его называли в неофициальном обиходе, — в усиленном динамиком голосе проскандыживает веселая нотка, — к королёвству Байконур...

«Королёвство» Байконур... Знаменитый на весь мир космодром, обязанный своим возникновением академике Королеву. Впрочем, в начале 50-х Сергей Павлович еще не был акаде-

«Восток-1», «Восток-2», «Восток-3»...

Шесть советских кораблей-спутников «Восток».

Временем первых ласточек назвал Павел Попович незабываемые годы первых космических стартов.

Одна за другой взлетали на околоземную орбиту эти многотонные «ласточки» — корабли-спутники «Восток».

О том, как это было, рассказывают Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова. Слушайте звуковую страницу.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРОЗВУЧАЛО:

«Поехали!» во множественном числе. Так как если бы вместе с ним в рейс по маршруту Байконур—Космос отправлялась целая экспедиция.

«Когда я на тренировках садился в космический корабль, обживая его, а затем занимал место в кабине, чтобы отправиться в первое в истории человечества заатмосферное путешествие, мои мысли были о тех, кто создал эту замечательную технику...»

Это слова самого Гагарина. Коллективист по своей духовной сути, он, оказавшись — в силу обстоятельств — на положении первого среди равных, продолжал — в силу характера — чувствовать себя равным среди первых. С полной ясностью сознавая, что его подвиг — всего лишь слагаемое в коллективном подвиге всех тех, чьими героическими стараниями было сделано все возможное, чтобы в урочный, давно ожи-

миком, да и слова «космодром» тогда не существовало. «Полигон» — вот как говорили самые первые.

«У нас не так жарко, но сильнейший ветер и пыль засыпают все... Ночи совсем холодные. В общем, как здесь говорят, это совсем не Рио-де-Жанейро. С этим трудно не согласиться, но тем желаннее янтарный берез», — читаю в одном из давних писем Сергея Павловича, а в памяти — белокаменный четырехгранник на низком постаменте. Рядом — деревья. Их посадили люди.

— Когда-нибудь и на Марсе будут яблони цвести, — говорил Королев, — но давайте начнем здесь, и не с яблонь, а с тополей... Тополя возили издалека. Двести километров туда, двести — обратно.

Далеко от Москвы до Байконура. Но с необыкновенной ясностью стоят у меня перед глазами и деревья, выросшие с годами людей, и четырехгранный обелиск, белеющий под их

„ПОЕХАЛИ!!...“

широкой сенью. «Здесь гением советского человека начался дерзновенный штурм космоса» — врезано в лицевую сторону обелиска, и в скобках дата — «1957». С начальным пикетом на великом пути межзвездные просторы — вот с чем можно сравнить этот памятник. Ведь высится он поблизости от той самой стартовой площадки, с которой 4 октября 1957 года с помощью двухступенчатой ракеты был запущен первый спутник. Человек разорвал пути земного притяжения. Это как раз и имел в виду Василий Васильевич Парин, называя 4 октября 1957 года первой вехой в штурме космоса.

Как вторую веху он определил 19 августа 1960 года. То есть день, когда трехступенчатая ракета-носитель вывела на орбиту корабль с животными на борту. Животные — 40 мышей, 2 крысы, а главное, 2 собаки — знаменитые Белка и Стрелка — не только безболезненно перенесли космический полет, но и благополучно приземлились в точно обозначенном квадрате.

И снова голос академика Парина:

— Тем самым было доказано, что полет в космос не представляет опасности для живых существ...

Василий Васильевич прерывается, но чуть погодя звучит его доверительный голос:

— Академик Павлов сказал когда-то в шутку, что собака вывела человека в люди. Я же говорю вполне серьезно: собака вывела человека в космос...

Последняя из четвероногих космонавтов по кличке Звездочка ушла в рейс 25 марта 1961 года, а потом...

Потом пришло 12 апреля.

— Поехали! — прозвучал над миром голос Гагарина, и началась эра пилотируемых полетов.

Адольф ДИХТЯРЬ

На фото: памятник Циолковскому в Калуге.

С. Королев, М. Тихонравов, Ф. Цандер во времена ГИРДа.

Главный конструктор и командиры «Востоков».

Сергей МИХАЛКОВ, главный редактор киножурнала «Фитиль», Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии:

«Фитиль» — военно-морской термин. Его происхождение уходит в далекое прошлое. Смысл этого термина таков: когда адмирал замечал на том или ином корабле своего соединения непорядок — нечеткое выполнение задания, отклонение от курса и пр., то на флагмане поднимался позывной корабля-нарушителя и производился выстрел из орудия по команде «Фитиль».

Выстрел должен был привлечь внимание всех командиров кораблей к сигналу, поднятому на флагмане.

Прошли десятилетия, но и теперь бытуют среди военных такие выражения: «Слышали? Сегодня Иванов схватил от

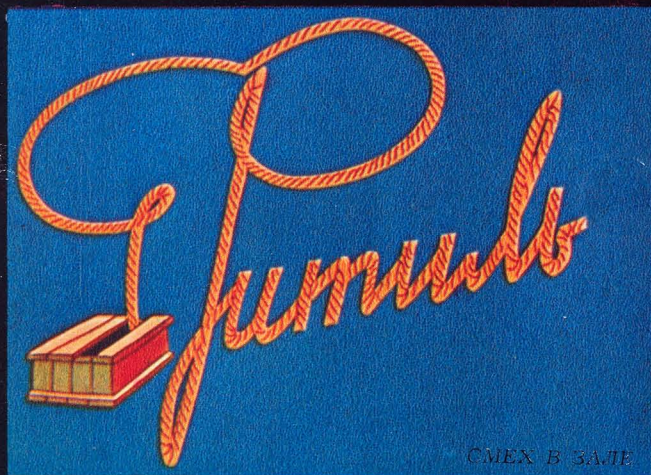
командира «Фитиля»! «А Петрова-то вчера крепко «фитильнули»!

Отсюда и произошло название нашего журнала «Фитиль». Иные зрители, узнавшие в сатирическом сюжете себя или себе подобных, подчас возмущаются: «Зачем показывать всенародно то, что можно исправить, так сказать, в рабочем порядке? Незачем тащить все на экран!»

Нам приходилось слышать такие суждения. Однако «Фитиль» продолжает свое дело, считая его делом партийной совести, делом полезным в борьбе за построение нового общества.

«Насмешки боится даже тот, кто ничего не боится» — эти слова Гоголя могли бы быть эпиграфом ко всем выпускам нашего журнала.

ПОЧЕМУ ИМЕННО

Кадры из «Фитиля».

Автобусная касса для любителей каратэ.

«Чем вас привлекает работа в «Фитиле»?» — с этим вопросом редакция киножурнала обратилась к своим постоянным сотрудникам.

Александр КУРЛЯНДСКИЙ, писатель. Был у меня в жизни период — служил я в армии, в инженерных войсках. Приходилось и строить, приходилось и взрывать.

Бывало, заложишь заряд, подожжешь фитиль, бабахнет взрыв, и готов котлован. Строишь на него и думаешь: госпо-

ди, если бы не этот маленький фитиль, еще бы копать и копать...

Поэтому я и люблю этот журнал, бывает, копаешь-копаешь, никак справиться не можешь, а «Фитиль» бабахнет и... полный порядок.

Николай ПАРФЕНОВ, заслуженный артист РСФСР. Бывает, человек похож на знаменитого киноактера или на известного хоккеиста. А вот я, например, похож на бюрократа.

Меня даже на улице раньше останавли-

вали и просили подписать накладную или отпустить гвозди.

А однажды меня остановили люди с кинокамерой и стали снимать. Оказалось, они перепутали меня с каким-то жуликом, который две недели от них прятался. Так я впервые попал в «Фитиль». Ошибка, конечно, выяснилась, но снимать меня не перестали, правда, не в документальных сюжетах, а в художественных.

Юрий ЕГОРОВ, оператор документальных сюжетов. Сергей КИСЕЛЕВ, опера-

Александр СТОЛБОВ, главный режиссер «Фитиля», заслуженный деятель искусств РСФСР:

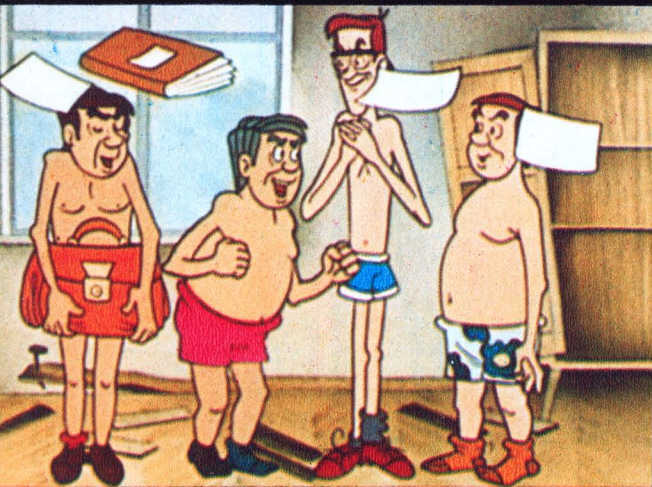
«Фитиль» — это единственное в мире периодическое сатирическое киноиздание. Вот уже пятнадцатый год «Фитиль» регулярно, раз в месяц, выходит на экраны страны.

«Фитиль» — это километры отснятой киноплёнки, из которой монтируется десять минут журнала. 175 выпусков, которые мы создали за эти годы, — это более пятисот документальных, игровых и мультипликационных сюжетов.

«Фитиль» — это лаборатория советской киносатиры. Здесь, в «Фитиле», обретали опыт и мастерство известные ныне писатели-сатирики, кинорежиссеры и актеры.

«Фитиль» — это прочный творческий коллектив единомышленников, который, помимо киножурнала, уже сегодня решает задачи создания советской кинокомедии; сделано несколько альманахов. И, как итог этой работы, скоро на экраны страны выйдет снятая нами полнометражная комедия «Сделано в «Фитиле».

Как писала газета «Правда», «этот сатирический киножурнал сразу же пришелся по душе советским людям. Сатира обрела новую силу, взяла себе в союзники всевидящее око киноаппарата, беспощадную документальность, высокохудожественную игру комедийных актеров и острую сюжетность. Она бьет прямой наводкой».

Знакомьтесь — комиссия после испытаний новой, «облегченной» модели... пылесоса!

«Если бы я не пил и песен не орал, ученые бы по ночам спали... А если бы они спали, прогресса бы... не было!»

тор, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии: Мы любим «Фитиль» за то, что работа над его документальными сюжетами столкнула нас с людьми особой категории. «Герои» наши, несмотря на все их разнообразие, поразительно схожи между собой. Они очень «скромны». Слава им не нужна. Как-то мы снимали сюжет о подпольном производстве водки. Одно из героев запечатлели в комнате, единственным украшением которой была крепкая решетка на окне. Вел он себя развязно и

даже попросил немного подождать — решил причесться. После съемки ему сказали, для чего она проводилась. Реакция была неожиданной:

— Лучше дайте «срок» на год больше, только не показывайте в «Фитиле»!

И, наконец, слово нашему главному персонажу.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ: Я очень люблю «Фитиль». Он такой смешной, такой едкий, такой колючий! Он такой правильный... когда он не про меня.

Ответы завизировал (добавив от себя: «Попробовали бы они ответить иначе!..») и представил на суд читателей «Кругозора» старший редактор «Фитиля» Анатолий Тараскин. Он же ведет и вечер «Друзья «Фитиля» в зале кинотеатра «Фитиль» — вечер, превращенный режиссером Александром Столбовым в шестиминутную звуковую страницу «Кругозора» — страницу номер десять.

Илья
КАШАФУТДИНОВ

ЛЬВЫ В СОЛОМЕ

В той деревне львы не водились. В окрестностях шастало много волков, лисиц, видать, тоже «вакуированных», как именовал нас, приезжих, местный люд.

Я сам не раз натыкался на серых, поражающих худобой и потому не очень страшных волков, когда отваживался идти в школу, минуя санный путь по речному льду.

Львы поселились в моем сознании после того, как я прочитал книгу об Африке. Название ее я запомнил, но была она в твердом, изрядно потрепанном переплете. Помню, до такой осязательности дохнуло со страниц зноем далекой загадочной страны, что мне стало жарко.

В деревне, утопавшей в холодных сугробах, мне захотелось нарисовать львов. Сделать рисунок и обернуть им переплет книги. Так сильно полюбилась она, львы, застygнутые муссонными дождями на маленьком острове.

Ранним январским утром, когда ко мне пришла Мила Каплинская, готовый в моем воображении рисунок начал непредвиденно перестраиваться. Я чуть не вскрикнул от озарения, подсказавшего мне, что на рисунке со львами должна быть фигура девочки.

Она была тоже из «вакуированных», Мила Каплинская. По непонятной причине она рано пробуждалась ото сна. Чтобы не скучать одной, она заходила в нашу избу и, улучив момент, когда я ворочался во сне, прижимала заходящую ладонь к моему лбу. В полусвете, брезжившем в окно, я различал лицо, при виде которого меня всякий раз брала оторопь.

Мила пережила ленинградскую блокаду. Весной при первом знакомстве она показалась мне явившейся с того света — до такой степени ручки и ножки ее, вся фигурка потеряли земную тяжесть.

Той весной в бездорожье, когда однорукый дядя Коля, киномеханик, не мог

прорваться в деревню, я придумал для детворы развлечение. Починил старый фильмоскоп и, переводя кадр за кадром, показывал один и тот же фильм — «Сказку о царе Салтане».

Сеансы были платные — за вход брали по куриному яйцу. Из этой «выручки» мы, эвакуированные, не имевшие домашней живности, потом жарили глазунью.

Дня три Мила прохаживалась перед нашими окнами осторожной зыбкой походкой — маленькая, настороженная старушенция в стоптанной обуви. Наконец осмелела, зашла. Я взял протянутое яйцо и тут же, не успев сказать, что для нее вход свободен, вернул его.

Рука ее, тоненькая, почти прозрачная, слабо сжимавшая возвращенное яйцо, задрожала, а потом вовсе разжалась. Яичко упало, разбилось возле наших ног.

Вот так мы познакомились.

...Главной причиной, сблизившей нас с Милой, была страсть к чтению.

Читали мы запоем. К середине осени ни в школьной библиотеке, ни в клубной нам уже брать было нечего. Тогда мы отправились в районную, двенадцать километров пешком, столько же обратно.

Однажды, когда мы отдыхали по пути в райцентр, я нарисовал на оберточной бумаге темные, осевшие стога сена на белом от первого снега лугу. Мила беглым взглядом окинула картинку, неожиданно засияв, спросила:

— А ты мог бы нарисовать то, чего не видел?

Я не знал, что сказать. Запоздалым ответом на ее вопрос должен был стать рисунок со львами.

Однако рисовать было нечем. Ни красок, ни даже цветных карандашей никто из нас не имел.

Выручил случай. Отправляясь в райцентр за книгами, я взял мешочек с гречневой крупой — десять стаканов, — чтобы выменять на базаре на два мотка шерстяных ниток, понадобивших-

ся моей матери. Мы уже набрали на нужный товар, как Мила вдруг стиснула мне локоть.

— Краски! — придушенно шепнула она. — У старушки, во втором ряду...

Я почувствовал легкое головокружение. И хотя краски оказались всего четырех цветов — красная, голубая, синяя и желтая, мы с Милой переглянулись с радостной надеждой.

— Почему, бабушка? — робко спросил я.

— За деньги не отдам, — сказала старуха. — За сахар или сольце...

— Крупа гречневая, — нетерпеливо топтался я.

— Сколь же отсыпешь?

— Хоть всю, — вырвалось у меня.

— Третью возьму, — отмахнулась старуха, — и буда...

Никогда мне не забыть ту горячку, с какой мы возвращались домой, и ту колдовскую тишину в избе, когда мы, не успев отогреться, при свете керосиновой лампы отвинчивали колпачки от тюбиков.

За работу мы сели на второй день, едва дождавшись белого зимнего света. Перед этим мы долго гонялись за Шариком и, загнав старую дворнягу в сарай, малость остригли ему хвост на кисточки.

Легким касанием карандаша я сделал набросок на редкостном в ту пору ватмане и, заметив утвердительный кивок Милы, принялся со старанием раскрашивать его.

В желтых лианах, похожих на солому, над бирюзовой водой, под синим-синим небом лежали длинные желтые львы с красными, будто лопнувшими от страха глазами.

Минутой позже, когда с меня чуточку схлынуло угарное возбуждение, я понял, что сотворенные мной звери не совсем львы. Что-то от волков, много раз виденных, вкралось в их фигуры.

Печально уставились звери на скорбящую девочку, намалеванную на правом уголке листа. Надо же было случиться такому: не угадать было, где кончатся львы и где начинаются волки. То же самое с девочкой — это была Мила и не Мила.

Я замахнулся на рисунок, но Мила остановила меня:

— Не дури! Ты же про войну думал, когда рисовал...

Я удивился ее пронизательности. В каких-то глубоких тайниках моей головы держалась припрятанная даже от себя дума о войне, противной всему живому на земле.

...Она опять пришла рано, Мила Каплинская. Нам предстояло идти в район-центр, чтобы сдать книгу об Африке, из-за которой приключился весь сыр-бор.

Путь наш пролегал по тем же холмам, через лес, по-зимнему тихий, оцепенелый. В той же стоптанной обувке бежала впереди меня Мила, в той же странного цвета шапочке была она, но что-то неуловимо изменилось в ней, давало о себе знать произвольными короткими хохотками, рождая во мне ответное ликование.

Возле библиотеки Мила сбавила шаг, и мы рядышком, проникаясь важно-

Рисунок В. Семенова

стью — что-то сейчас будет! — поднялись по деревянным ступенькам. В библиотеке сидела молодая женщина с умным, красивым лицом. Мы видели ее впервые. Заметив мою нерешительность — я не сразу смог назвать свою фамилию, — женщина скупающе отвернулась к окну.

Я принялся вынимать одну книгу за другой, класть на столик, а в последнюю очередь поверх стопки положил книгу об Африке.

Как следовало ожидать, женщина взяла ее в первую очередь и, даже не взглянув на рисунок, сорвала ватман с переплета и тоже, не глядя, наугад бросила в корзину, стоявшую подле ног.

В груди у меня мгновенно усохла какая-то струна и перестала петь. И только Милкины глаза, остановившиеся, почти сумасшедшие, заставили меня замереть в страхе: как бы чего не вышло.

— Да как вы... как вы... — пыталась что-то сказать перекосившимся ртом

Мила, потом, справившись с собой, произнесла чеканно: — У вас сердца нет...

Выбегая в коридор, она сильно ударила плечом о косяк, по-щенячьи заскулила, опрометью скрылась. Когда я, опаматовавшись, выскочил следом за ней, Мила одеревенелыми, будто у подбитой зверюшки, прыжками одолевала уже мост через реку.

Я бежал за ней до самого леса, различал уже вздрагивающую спину ее, но когда она свернула с дороги в чащобные сугробы, у меня в коленях послабело; я сел на снег, заплакал от обиды на нее, от боязни за нее.

Она сама пришла ко мне, провинившаяся, болезненно удивленная девчонка. Вдруг ноги ее подломились, лицо помертвело, голова привалилась к моему плечу.

Дав ей передохнуть, я поднял ее со снега, повел в сторону деревни — туда, где все бело-синее — поле, холмы, небо сливались в одну сумеречную даль.

И там, в мрачноватом неуютном поле, моих ушей, закостеневших от стужи, достиг Милкин голос:

— Ты не расстраивайся. Люди ведь разные бывают. Рисуй, рисуй. Когда станешь художником, сделаешь картину со львами. Я название придумала: «Львы в соломе».

Сорвавшийся с почерневших далей ветер заглушил ее голос. Отяжелевшее небо опускалось на просторы, и скоро нас ночной чернотой отрезало от всего света.

Я еще не знал тогда, что два месяца спустя, апрельским утром, Милу, Людмилочку, увезут с матерью в скрипучей телеге на железнодорожную станцию, оттуда поездом — в Ленинград. Не знал я, что и сам отправлюсь с матерью и братом в городок на Капе, где нас ждал отец, еще не совсем оправившийся от ран.

И только деревня, место нашей встречи и разлуки, останется жить без нас, но еще останется в памяти моей, как горький и прекрасный сон, чтобы напоминать о времени, когда нам наивно верилось, что судьба свела нас надолго, может, навсегда.

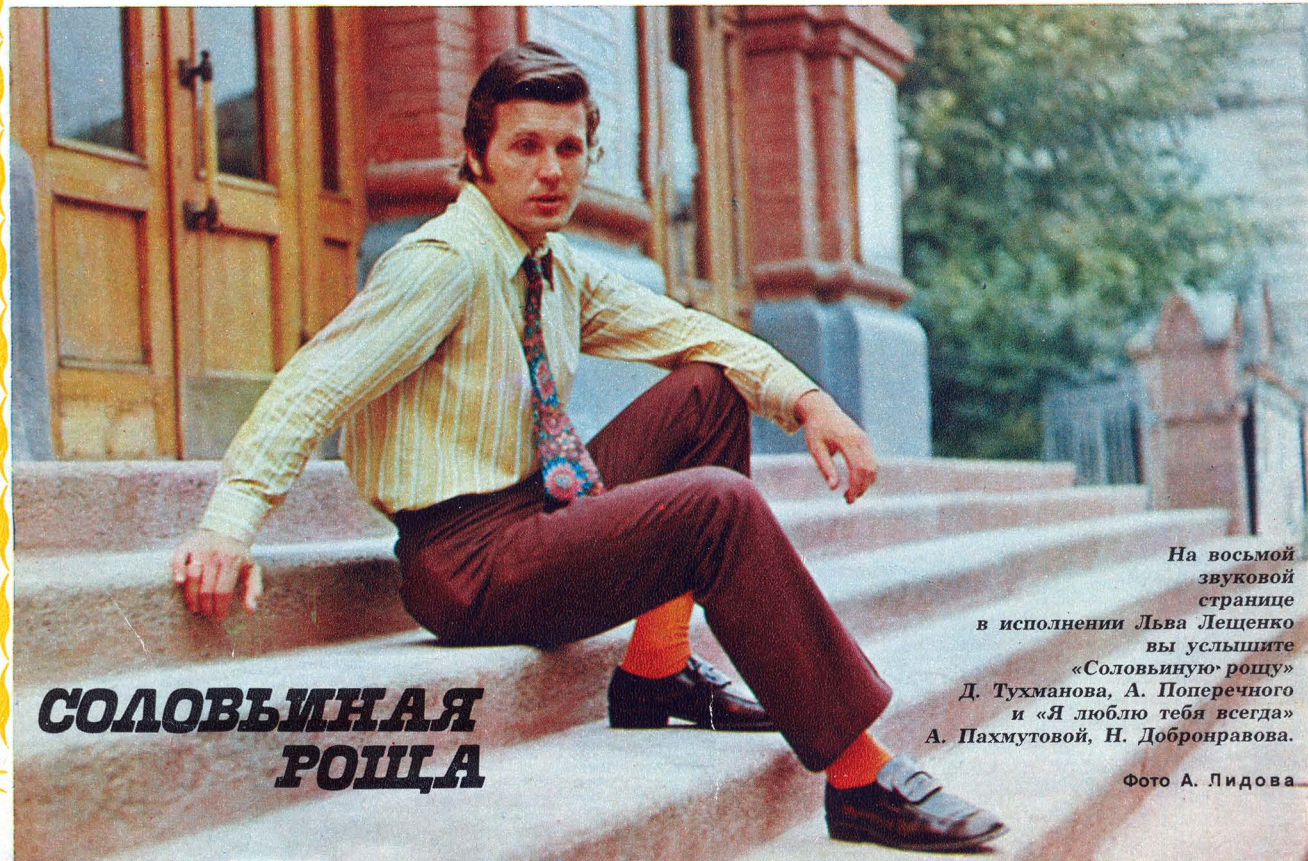
Музыкальная одаренность и работоспособность Льва Лещенко радовали меня всегда. По характеру мягкий, лиричный, он имеет огромный запас внутренней творческой энергии, жизнеутверждающей силы, которая, по видимому, помогла и помогает ему достигать новых и новых успехов. Его «певческий путь» начался рано — в хоре Дома пионеров Сокольнического района. Затем армейский ансамбль песни и пляски, потом учеба в ГИТИСе, мимолетная работа в Московском театре оперетты, и, наконец, я бы сказал, обоюдная удача: никому не известный тогда Лева Лещенко поступил в вокальную группу Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Радио нашло столь «радийного», обладающего всеми нужными для эфира данными певца: профессионализмом, артистизмом, работоспособностью, выносливостью. С того времени он много работает на радио, телевидении и в концертах с самыми различными оркестрами, как с эстрадными, так и симфоническими. Диапазон Льва Лещенко достаточно широк. Он один из первых исполнителей кантаты Р. Щедрина «Ленин в

сердце народном», и он же недавно с успехом спел партию Порги в записанной на радио опере Гершвина «Порги и Бесс».

Его работа почти неотделимо связана с работой оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением Ю. Силантьева, а также с оркестром «Мелодия» под управлением Г. Гараяна. С этими коллективами были записаны многие популярные песни, которым Лев Лещенко первый дал жизнь.

Теперь лауреат премии Московского комсомола Лев Лещенко входит в число популярных певцов нашей страны. Многочисленные выступления по радио и телевидению, пластинки, гастрольные поездки по стране — почти не осталось белых пятен на карте, не осталось мест, где не побывал бы Лев Лещенко, — победы на всесоюзных конкурсах артистов эстрады, успешные выступления в Японии, Канаде, Финляндии, лауреатство на «Золотом Орфее», Сопотском фестивале — свидетельства его заслуженной популярности.

Д. ТУХМАНОВ

СОЛОВЬИНАЯ РОЩА

На восьмой
звуковой
странице
в исполнении Льва Лещенко
вы услышите
«Соловьиною рощу»
Д. Тухманова, А. Поперечного
и «Я люблю тебя всегда»
А. Пахмутовой, Н. Добронравова.

Фото А. Лидова

«Как прекрасно звучат в исполнении «Песняров» народные песни! По-моему, именно они создают особенную атмосферу на концертах ансамбля. Хочется побольше узнать о творческой жизни «Песняров» (из письма Елены Подвалковой, г. Иваново).

На это письмо мы попросили ответить композитора Игоря ЛУЧЕНКА, который недавно вместе с ансамблем побывал в гастрольной поездке по Соединенным Штатам Америки.

— Прилетели мы в Вашингтон и сразу попали на пресс-конференцию. За пят-

надцать дней в Штатах их было три: в Далласе, накануне и после первого концерта, в Харисонбурге и в городе Нэшвилл, где ансамбль «Песняры» записывал пластинку.

Концерты во всех городах и на всех эстрадах проходили с одинаковым успехом. «Песняры» выступали вместе с американским ансамблем «Нью Кристи Минстрелс».

Программа состояла из белорусских народных песен, песен В. Мулявина на слова Ю. Рыбчинского и М. Танка и

моих на слова М. Богдановича, А. Кулешова, Б. Брусникова.

За две недели гастролей мы посетили штаты — Луизиана, Миссисипи, Теннесси, Алабама, Каролина, Вирджиния, проехав на автобусе 2300 миль.

Привожу несколько строк из статьи в «Вашингтон пост»: «Заразительно и привлекательно... высокая профессиональная зрелость», «артистическая индивидуальность», «национальный колорит». Вот оценка концертов белорусского ансамбля.

ДВЕ НЕДЕЛИ И..... ДВЕ ТЫСЯЧИ МИЛЬ II

На звуковой странице ансамбли
«Песняры»
и «Нью Кристи Минстрелс»
исполняют песни «Расцвела сирень,
черемуха в саду» Ю. Милютина,
А. Софронова и «Вероника»
И. Лученка, М. Богдановича.
Фото С. Петрухина

«А хор наш дорожёвский слышали? Всем хорам хор!»
(Из разговора)

Натоптанная тропинка петляет по сугробам вдоль домов. Дома крепкие, стоят редко, выделяются новостроенные, золотисто-смуглые. Высоченные журавли торчат среди дворов, выдернув легкие жестяные ведра из колодцев.

Антонина Степановна Павликова, добровольный администратор хора, накидывает на голову платок и за порог — «скликать» солисток. Женщины все при деле — у кого дойка на ферме, у кого внуки на руках.

Но вот вынуты сарафаны, кофты с ковровой вышивкой, наголовники, бисерные накладки — и в пору знакомиться заново. Словно умылись живой водой: глаза блестят, щеки горят.

...И-эх! Барыня ты мыя, сударыня ты мыя!

Идут друг за дружкой, то по кругу, то против, одна перед другой в перепляске, да с припевом, со свистом. Или выгащат кувиклы (куряне их называют «кугиклами») на подмогу.

ТАК ПОЮТ В ДОРОЖЕВЕ

Когда появился дорожёвский хор, кажется, что существовал он всегда, как сама песня.

— Коды мы поем? Лучше спроси, коды не поем...
Завсегда и поем, смеемся — поем, плачем — поем...

— Вот, правда, в войну-то не собирались, разве что изредка да по горстке. Не до спевок было. В землянках жили, лишний раз не ворохнешься. Похоронки читали, детей от голода сберегали, работали в поле без мужиков-то одни с ребятами... А как немножко отошли от войны-то, так и возродились хором...

— Вон мужики-то наши, не все, конечно, считают: баловством, мол, бабы-то наши занимаются. Да, вон и парни-то с девчонками которые-то смеются, вон, мол, бабки вырядятся, как невесты, да за песни! А то невдомек, что мы с песней-то сами росли-повыросли, да их растили, детей выходили, внуков справили... Да, праздники-то только песней и праздники, без нее и за стол нечего садиться! Мы и внукам нашим хотим песню оставить — не осудить им жизнь...

Фото И. Рогачевского

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Постигая ленинское слово.**
2. **Луис Корвалан** о песнях борьбы и протеста.
3. **Счастье творить добро.** Рассказывает Герой Социалистического Труда **А. И. Илларионова**.
4. **Хроника космических стартов.** Звучат голоса космонавтов **Ю. Гагарина, Г. Титова, А. Николаева, П. Поповича, В. Быковского** и **В. Терешковой**.
5. **Редкие записи.** Перед премьерой Второго скрипичного концерта **Шостаковича**. Беседа композитора с **Д. Ф. Ойстрахом**.
6. **Юрий Соломин** читает стихи русских поэтов.
7. **Песни села Дорожево.**
8. **Лев Лещенко** поет песни **Д. Тухманова** и **А. Пахмутовой**.
9. Музыкальное интервью **Джузеппе Ди Стефано**.
10. **Смех в зале.** Наши гости — участники «Фитиля» и «**Нью Кристи Минстрелс**».
11. Дуэт ансамблей «**Песняры**» и «**Нью Кристи Минстрелс**».
12. Эстрада планеты. **Мирей Матье** (Франция): «**Мамушка**» (**Э. Марне, К. Брюн**), «**Все дети поют со мной**» (**Э. Марне, Б. Голдсборо**).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1977 г.

На первой странице
обложки
рисунк художника
А. Борисова.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор

22/II 1977 г.

Б 00040.

Подп. к печ.

28/II—77 г.

Формат 60×84¹/₂

Усл. п. л. 1,24

Уч.-изд. л. 2,03.

Тираж 500 000 экз.

Зак. 253. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени **В. И. Ленина**
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Главный редактор **В. С. КРЮЧКОВ**
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора),
А. Б. ДИХТЯРЬ, **И. Д. КАЗАКОВА**, **Л. Э. КРЕНКЕЛЬ**,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
Н. П. СУБОТИН (главный режиссер)
Технический редактор **Л. Е. Петрова**.

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва, 25,
Пятницкая, 5,
«Кругозор»

Журнал «Кругозор»

Эта страница

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Если у вас есть эта страница, свяжитесь, пожалуйста, со мной по
icq 606520 или по почте soul@urbansoul.ru.

Спасибо.

Журнал «Кругозор»

Эта страница

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Если у вас есть эта страница, свяжитесь, пожалуйста, со мной по
icq 606520 или по почте soul@urbansoul.ru.

Спасибо.